

ЕВГЕНИЙ
ГРИШКОВЕЦ

ЕВГЕНИЙ
ГРИШКОВЕЦ

РАССКАЗЫ

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)—44
Г85

Оформление обложки
Серг Савостьянов

Гришковец Е.В.
Г85 Рассказы. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. — 432 с.

ISBN 978-5-389-16390-4

«В рассказах Евгения Гришковца можно расслышать эхо Чехова, Шукшина и его собственных пьес-монологов. Он писал и продолжает писать современные истории о смешных и трагических пустяках, из которых состоит наша жизнь. Бытовая ссора, хронический недосып, разбитая банка с маринованными огурцами... Любая ерунда под пристальным взглядом писателя приобретает размах почти эпический, заставляет остановиться на бегу и глубоко-глубоко задуматься. Рассказы эти — лучшая терапия для человека, задёрнутого будничной гонкой и забывающего смотреть в зеркало. Посмотришь — и кажется, что жизнь твоя не так уж бессмысленна. Её есть за что полюбить». (*Ян Шенкман*)

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)—44

ISBN 978-5-389-16390-4

© Евгений Гришковец, 2019
© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2019
КоЛибри®

ДРУГИЕ

Три рассказа из жизни юного военного моряка

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В последнее время в современной литературе авторы легко употребляют те слова и их производные, которые раньше считались непечатными. Я не сторонник употребления таких слов без крайней необходимости. Но всё же передать быт и жизнь военного корабля и его экипажа без таких слов оказалось невозможно. Заранее прошу простить меня.

ДРУГИЕ

Я улыбался тогда, так можно сказать. На лице моём была улыбка, маленькая улыбка. Про неё нельзя сказать, что она была едва заметна. Её вообще никто не видел. А широко улыбаться в одиночку, наверное, совсем невозможно. Широко улыбаться можно только кому-то. Другому человеку.

Я как-то узнал, что та мышца, которая растягивает губы в улыбку, называется «резориус», такая специальная мышца лица. Так вот, из-за того, что мне было тогда как-то хорошо,

мышцы моего лица слегка натянулись, и получилась маленькая улыбка, я её почувствовал и знал, что она (улыбка) там (на лице) есть. Но её я не видел.

Улыбаться приятно, это физически приятно. Ещё приятнее смеяться. А хохотать — это же просто удовольствие! И здесь дело даже не в причине смеха. Можно услышать и прочесть удивительно тонкую шутку, поразиться остроумию её автора, даже подумать: «Как же смешно, чёрт возьми!» Можно стать свидетелем чрезвычайно комичной ситуации, отметить про себя, насколько она комична... и не посмеяться. Будет приятно, но физической радости смеха не будет...

А можно хохотать, теряя дыхание и равновесие, падать на колени, плакать от рвущего смеха и удивляться тому, что шутка-то была дурацкая или ситуация идиотская. И все вокруг тоже будут умирать от смеха, утирать слёзы и говорить: «Чушь какая!» Но как это приятно! Хохотать! Пойти с друзьями в кино на какой угодно фильм, и, чем фильм глупее, тем даже лучше, потому что можно смеяться беспрерывно. Или выпивать хорошей компанией и поймать ту самую смешинку, которая вызывает взрыв смеха за взрывом, по любому поводу. Или... Да сколько угодно ситуаций, когда можно вдоволь посмеяться. Но только не одному! Только с другими... С другими людьми.

Я помню, как я обнаружил, что есть другие. Другие люди! Помню, как случилось это, столь, казалось бы, очевидное открытие. Мне открылось, что все люди другие. Не такие же, как я, а другие. Все! И мир не населён мною, размноженным на миллиарды людей. Все другие люди они совершенно другие, а я другой для них. Вот так! Я помню, как это открылось мне, как я был ошеломлён и как в первый раз стал всматриваться в людей, даже хорошо мне знакомых, после этого открытия.

А незадолго до этого открытия на моём лице была улыбка, я чувствовал её. Глаза мои были закрыты, в вагоне было темно, я лежал на верхней полке, слушал стук колёс, чувствовал, как железные колёса катятся по рельсам и звучат на каждом стыке.

И хоть матрасов, подушек, а уж белья тем более, нам не выдали, но, закрыв глаза, и слушая все железнодорожные звуки, и нюхая вагонные запахи, можно было даже забыть, что я еду в военном эшелоне. И еду не туда, где меня ждут родные люди и всякие приятные встречи и дела... Можно было даже забыть о том, что я уже полгода военный человек и мне ещё два с половиной года таковым придётся быть, а поезд нас везёт к новому месту службы.

Если честно, обо всём этом невозможно было забыть, просто об этом можно было не так обречённо думать, лёжа на полке вагона. За сутки пути я уже выспался, в первый раз за полгода, я был сыт, и мне ничего не надо было делать... Мне было хорошо, я улыбался, и где-то в груди несколько раз сильно ощущалась надежда, что всё в конце концов будет хорошо и что там, куда нас везут, будет... по крайней мере не так, как было там... где я полгода назад стал военным моряком и нёс службу как мог.

Я уже отвык... Да что там, я уже даже забыл, как это можно спать днём и вечером или... когда угодно. Я привык к тому, к чему привыкнуть, как выяснилось, можно, но очень не хочется (привыкать). И даже казалось, что такая жизнь длится не последние полгода моей жизни, а всегда. Почти так же, как когда приезжаешь куда-нибудь отдыхать и на третий день отдыха, вечером, тебе кажется, что ты тут, ну там, куда ты приехал отдыхать, уже чёрт знает как долго, а на самом деле всего-то два с небольшим дня.

Я попал служить на флот. Так уж случилось. Сразу же меня отправили в учебный отряд («учебку») Тихоокеан-

ского флота, чтобы изучить военную специальность. Полгода я должен был изучать торпеды, глубинные бомбы и другое грозное оружие, чтобы потом попасть на корабль уже специалистом. Но эти полгода ушли на корявые строевые занятия, на унижения, усталость и постоянное желание спать. Эти полгода нужны были флоту, чтобы я забыл своё имя, забыл, что есть разные, ничем не обоснованные мысли, желания и настроения. Наверное, это обычное дело... Но было плохо. Очень плохо было мне. И я забыл, как я жил до начала военной моей жизни. Нет! Я, конечно, помнил свою жизнь и помнил, что я делал. Этого я забыть не мог. Но я также не мог вспомнить, как я жил. Помнил, что жил, но как, не помнил.

А тут я лежал на верхней полке вагона и прежние ощущения и совершенно новое ощущение сильной надежды вливались в мои, обновлённые военной службой, жилы.

Как же я... Да нет, не я, а мы все... Как же мы ждали отправки на корабли. Мы не ждали более лёгкой и весёлой жизни, мы просто знали, что нужно пережить полгода «учебки» — и будет другая жизнь. Другая! Пусть более суровая и строгая, но другая. А той жизнью мы были сыты уже до предела. Мы прожили все возможные ощущения, которые возможно было пережить в учебке, прожили их по многу раз, и повторы стали невыносимы.

А ещё необходимо было ощущение хоть какого-то смысла. Как раз этого ощущения не было вовсе. И поэтому мы ждали отправки на корабли. Ну уж если мы попали служить на флот, то смысл нужно было искать на корабле... в море.

Я совсем не хочу описывать полгода муштры, а главное, унижений. Это скучно, и без подробностей не обойтись. Так что не буду об этом. К тому же за эти полгода не случилось особых открытий, кроме того, что выяснилось, что

привыкнуть можно ко многому, даже если очень не хочется привыкать. Ещё открылись очень простые, если не сказать, подлые, свойства моей собственной натуры, свойства которые, между тем, помогали переносить унижения и, если хотите, помогли выжить.

И вот я лежал на полке вагона специального эшелона и улыбался. Кончилось то, что переносить было, казалось, невозможно, а впереди ждало неизбежное неведомое.

Мы видели военные корабли в бухте рядом с нашей учебкой. Мы видели их постоянно.

Сначала они не вызывали во мне никаких чувств. Да и не могли. Я вырос далеко от моря. Корабли были просто диковинкой и очень странными объектами. Постепенно они стали самым интересным из того, что вообще можно увидеть. А главное, они стали тайной неминуемо грядущей жизни.

Корабли то входили в бухту, то покидали её, а то просто стояли на рейде, и их можно было рассматривать, пытаясь представить себе жизнь, идущую там, внутри этих столь странных, больших, плавающих по морю предметов. Ночью с кораблей доносились какие-то неясные, но чем-то приятные звуки. А ещё в ночных корабельных огнях чувствовалось тепло. Иллюминаторы горели каким-то янтарным светом, а в огнях на мачтах была строгость и чувствовалась обязательность и известная настоящим морякам значимость этих огней.

Утром на кораблях звенели звонки, с кораблей доносились звуки горна. Мы могли видеть матросов, которые быстро, казалось просто струйками, скользили по палубам, мачтам и надстройкам. Я много раз видел, как на стоящих недалеко от нашего берега кораблях поднимали флаг под протяжный звук горна. Матросы в этот момент стояли на

корме и белыми своими бескозырками создавали видимость живой пены.

Однажды я видел, как надо мной пролетел большой боевой вертолёт, потом он летел над водой, подлетел к кораблю и сел на специальную вертолётную площадку этого корабля. Вертолёт в этот момент казался совсем маленьким и ненужным.

Я видел, как корабли возвращались из дальних походов, они входили в бухту, украшенные флагами. Было видно, что корабль устал от моря. Ржавые разводы и пятна выдавали усталость. Корабль входил в бухту, салютовал выстрелом, который был виден сначала как вспышка на носу, потом лёгкое белое облачко дыма уносил ветер, и только потом до берега долетал звук выстрела. Где-то на другой стороне бухты начинал играть невидимый духовой оркестр.

Как я хотел туда, на корабль! Хотя я совершенно не знал, чего я хочу и как там. Я просто очень сильно не хотел того, что у меня было. Не хотел того, к чему, не желая того, привык.

Я пытался представить себе свой корабль. Какой он будет, большой или маленький. Ходило много разнообразных разговоров о том, какая тяжёлая жизнь на кораблях. Говорили, что на маленьком корабле служить легче, потому что команда небольшая, все друг друга хорошо знают, офицеры как родные и кормят по-домашнему. А на больших кораблях всё наоборот: и служба тяжёлая, а еда негодная. Зато если попасть на большой корабль, то есть все шансы сходить в дальний поход.

Какой же будет корабль? Какой? Мне даже снилось что-то неопределённое...

Когда прошли шесть месяцев учебки, уже наступила и всюю стояла непривычная мне, то есть сырая и ветреная, дальневосточная зима... И вот нас стали забирать на корабли. В учебку уже прибывали новые несчастные, которым пред-

стояло то же самое, что и нам. А мы ждали своих «покупателей». Почти каждый день, а то и несколько раз в день, нас строили на зверски продуваемом плацу и зачитывали списки тех, за кем прибыли из той или иной флотилии. Те, чьи фамилии называли, радостно и взволнованно кричали: «Я!» и выходили из строя. Наши ряды редели, терпения уже не оставалось... А тех, за кем приехали, подводили к тем, кто за ними приехал. Это были те самые «покупатели». Как правило, это был офицер и пара старшин или матросов. Они были совсем не такие, как те офицеры и старшины, которые затесались в учебные кадровые команды. Это какими нужно быть людьми, чтобы желать служить в учебке, с удовольствием мучить и наблюдать ужасы первых дней службы совсем юных людей. Кем надо быть, чтобы носить морскую форму и не стремиться попасть на корабль? Я не мог понять. Те же офицеры, которые приезжали за нами из дальних флотилий и соединений, были совершенно не такие, старшины и матросы тоже. Во-первых, они все были с усами! Они улыбались, и в том, как на них сидели шинели, как они ходили и даже курили, чувствовался какой-то совершенно другой опыт и знания.

Обычно забирали человек по пятнадцать-двадцать, они собирали свои вещи, радостно прощались с нами, и их увозили навсегда из учебки и из моей жизни. Иногда забирали всего несколько человек. Это значило, что их везут куда-то на конкретный корабль.

А однажды приехал грустный долговязый мичман с большими седыми усами. Нас даже не строили, а просто дежурный вызвал Серёгу Солдатову, моего соседа по койке, грустного худого парня родом откуда-то из-под Саратова. Все подшучивали над ним из-за фамилии. «Матрос Солдатов» — действительно звучало комично. «А я так и знал, что на флот заберут», — как-то печально сказал он мне. Серёга был худой,

маленький, грустный и тихий парень. Мы спали с ним рядом все полгода. Я хорошо его запомнил.

В детективных романах можно часто прочесть короткое описание какого-нибудь персонажа типа: «У него было волевое, обветренное, грубо вытесанное лицо с неожиданно живыми, голубыми, всегда улыбающимися глазами» или: «Его тонкие губы всегда кривились в высокомерную улыбку». И всё, и достаточно. Так и действует этот персонаж весь роман в соответствии с таким коротким описанием.

Серёга Солдатов был маленький, худой и грустный, так и действовал он в моей жизни полгода, а потом его увёл пожилой уса́тый мичман. Серёга несколько раз говорил, что очень хочет попасть на большой, а лучше — очень большой корабль. Ну а если совсем повезёт, то на авианосец.

Помню, он, не торопясь, собирал свои вещи, после того как ему сказали, что за ним прибыли.

— Ну, куда тебя? — спросил я.

— В бухту Ольга, на торпедолов. На катер, бля! — сказал он грустнее обычного.

Он набивал свой вещмешок (совершенно такой же, как обычный солдатский, но мы всё равно называли его «рундук»). В наше ротное помещение зашёл мичман, приехавший за Серёгой.

— Вот как вы тут, значит, живёте. Неплохо, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Он был высокий такой дядька, в помятой шинели, брюках... всё на нём было помятое.

— Давай, сынок, прощайся! — сказал он, и сам стал прощаться с нами, хотя мы этого от него не ждали. — Ну, давайте, моряки, до свидания! Держитесь, сынки! За этого, — он кивнул в сторону Серёги, — не беспокойтесь...

Я видел в окно, как они уходили в сторону причала, куда должен был подойти паром до Владивостока. Как только

мичман вышел на улицу, он тут же закурил, потом предложил Серёге, тот отказался, тогда мичман сунул Серёге пачку в руку, тот взял сигарету, и они оба задымили. Потом мой сосед Серёга Солдатов накинул свой большой вещмешок на плечо, и они пошли медленно, молча и грустно, почти одновременно выпуская дым. Так прошли они немного, потом мичман остановился, помог Серёге надеть вещмешок на оба плеча, что-то подтянул, поправил, похлопал Серёгу по плечу, и они снова пошли. Высокий худой дядька и худой маленький парень... Никому я так не завидовал за всю службу. И вообще редко я завидовал так сильно, как тогда Серёге.

За мной приехали рано утром, было ещё совсем темно. Тогда называли двадцать две фамилии, в том числе и мою. Я услышал звукосочетание, которым и являлась моя фамилия, вздрогнул и крикнул «Я». Упитанный капитан третьего ранга, на удивление безусый, и два усатых старшины с длинными чубами, которые у них торчали из-под совсем маленьких, а стало быть, «модных» шапок, ждали нас у канцелярии. Нас ещё раз проверили по списку и приказали живо собирать вещи.

— А куда поедет-то, тащ ка трете ранга? — спросил кто-то из нас.

— Поедем далеко! Поедем, молодые люди, в Совгавань, служить в 93-ю бригаду БЭМ Сахалинской флотилии.

— А на какой корабль? — вырвалось у меня.

— На хороший! — усмехнувшись, сказал один из чубатых старшин. — Алё! Вы чё, не слышали? Шесть секунд вам на сборы. Бегом!

Это только кажется, что на Дальнем Востоке всё рядом. В смысле сам Дальний Восток далеко, но, если туда доехать, там всё вместе и рядом. Владивосток, Курилы, Камчатка, Сахалин... А на самом деле всё это довольно далеко друг

от друга. От Владивостока до города Советская Гавань было далеко. Нужно было ехать почти двое суток. К тому же наш военный поезд был далеко не скорый и не экспресс. В общем, я успел поесть и насытиться тушёнкой с белым хлебом и сладким чаем, который был почти бесцветным, но его было хоть залейся. Потом я выспался вдосталь и спал уже просто так... Очень хотелось помыться, но это было терпимо и уже слишком.

Я лежал на верхней полке и улыбался. Мне было хорошо. На корабль уже хотелось не очень, а точнее, совсем не хотелось. Лучше было бы вот так ехать, ехать, и всё...

Мы прибыли на станцию Совгавань-сортировочная вечером, без промедления высыпали на перрон и задышали паром, подсвеченным железнодорожными яркими фонарями.

Представляете, мы в чёрных шинелях на белом снегу, хрустим свежим снегом, который выпал за день. Из соседнего вагона высыпали морские пехотинцы. Они были тоже в чёрных шинелях, только каких-то коротких, и брюки у них были заправлены в короткие сапоги, а так... точно такие же, как мы, только выше ростом.

Мы, чёрные на белом снегу, пар от нашего дыхания, пар от вагонов... Всё как в чёрно-белом кино про войну.

Как же не хотелось выскакивать из тёплого и душного вагона на этот свежий снег. И уже невыносимая учебка вспоминалась как вполне возможное для жизни место, где было плохо, но всё знакомо... Были знакомы все доски пола в проходе между койками, эти доски я так тщательно и с такой ненавистью драил. Была привычна моя койка, вторая от прохода слева, плохая и однообразная еда, грубость и унижение, унижение бессмысленными делами, которых было много. Оказывается, я привык к этому. Я даже привык всё это ненавидеть и привык хотеть скорее попасть на корабль.

Весь мой организм привык к быстрому просыпанию в шесть утра, руки и даже пальцы привыкли к каждой пуговице грубой матросской формы, тело привыкло ко сну в любой позе, а сознание привыкло к тому, что у меня нет имени, и забыло, как это можно жить... Просто жить. Но в то же время весь я, весь мой организм и сознание чего-то хотели. Чего-то другого... И там, на перроне станции Совгавань-сортировочная, стало выясняться, что то, чего хочется, наверное, скоро не сбудется...

— 93-я бригада! Сюда, бойцы! — это выкрикивали нас. Из двадцати двух до Совгавани доехали двадцать. Двоих сняли с поезда в Комсомольске-на-Амуре — одного с сильной температурой, другого из-за попытки украсть что-то на вокзале в Комсомольске-на-Амуре.

Со станции до кораблей мы шли очень долго! Сначала медленно и неохотно... Шли по какой-то замёрзшей грунтовой дороге мимо какого-то посёлка, может быть, это и была Совгавань. Потом мы шли устало, зябко и молча по дорожке, через какие-то перелески, которые были едва различимы в лунном свете. А потом почти бежали от холода и неясности... Неясности, далеко ли ещё. Потом дорога стала петлять между сопок, а иногда взбираться и спускаться по этим сопкам. И когда уже казалось, что мы будем так вот идти, пока не замёрзнем и не попадем... Когда мы из последних, казалось бы, сил взобрались на очередную сопку и перевалили через неё... мы увидели корабли.

Мы не замерли от увиденного и не замедлили шага, но на миг возникло ощущение, похожее на то, которое бывает на американских горках, когда вагончик долго ползёт вверх, добирается до вершины и на какое-то мгновение зависает над стремительным спуском... На самом деле вагончик не зависает, это в груди что-то замирает, а потом падает вниз

вместе с вагончиком. Корабли были внизу. Нужно было спуститься с сопки — и... вот они.

Как описать увиденное?! Внизу я увидел огни. Огни отражались в чёрной воде бухты. Вода была чёрная-чёрная, очевидно, холодная и бездонная. Освещённый пирс уходил от берега под прямым углом. У пирса стояли пять кораблей. С правой стороны два очень больших, а с левой три больших, но не таких больших, как справа. Пирс был освещён прожекторами и фонарями. На кораблях тоже горели разнообразные огни. От кораблей шёл пар и дым. Корабли, казалось, дышали, как живые. С одного из них, что стоял справа от пирса, в небо бил мощный прожектор. Он медленно очертил широкую дугу, добывая, казалось, до ближайших звёзд. На самом дальнем из левых кораблей, среди хитросплетений и каких-то нагромождений, мачт, локаторов и антенн, ближе к носу, вспыхивала и гасла молния электросварки. Оттуда доносился отчётливый стук металла о металл. Кто-то бил чем-то железным по железу. Иллюминаторы тёплыми кружками светились вдоль бортов и отражались в чёрной бездонной бухте.

От увиденного не возникало ощущения дома, куда мы так долго шли и где нас ждало тепло и спокойствие... Мы стали спускаться. Панорама пирса и кораблей скрылась за деревьями. Только луч прожектора был виден — ползущий по небу. Он полз медленно и серьёзно.

Спустившись ниже, мы вышли на более широкую дорогу, которая и вела к пирсу, но, видимо, была более длинная, вот нас и повели через сопку напрямик. Мы шли молча. Мы готовились...

— Ну, чё притихли? Алё, веселей! — крикнул один из старшин, который с нами был всю дорогу и оказался говорливым дураком. Он постоянно рассказывал какие-то страсти-мордасти про службу на корабле, не зная того, что боль-

шую часть этих баек мы уже слышали, ещё когда ехали из дома в сторону Тихого океана. — Не ссать!..

Он сказал ещё что-то в том же духе, но я, а наверное, уже и все мы не слушали. Впереди показались железные ворота с большим жестяным якорем и красной звездой на них. Из будки КПП вышел офицер, старший лейтенант, с усами и повязкой дежурного на рукаве. С ним вместе к нам шагнул матрос в тулупе, валенках и с карабином за спиной. Карабин был с примкнутым штык-ножом.

— Кто это у нас тут идёт? — игриво спросил старший лейтенант. — Долгожданные молодые люди?

— Караси! — обрадовался матрос в тулупе и блеснул золотым зубом. — Заждались мы вас! Тащ капитан третьего ранга, — обратился он к капитану третьего ранга, который нас сопровождал, — а к нам на «Гневный» будут караси, а?

Капитан третьего ранга проигнорировал вопрос. Он со старшим лейтенантом стал просматривать список и о чём-то говорить. А вахтенный в тулупе радостно поздоровался со старшинами, с которыми мы ехали, они даже обнялись и тоже о чём-то заговорили, периодически громко хохоча. Не любимый нами старшина оглянулся на нас, стоявших неровным строем поодаль, и ткнул пальцем в кого-то из нас и, кажется, в меня. Потом они снова засмеялись.

— Тащ капитан третьего ранга! А можно покурить? — спросил наш говорливый сопровождающий.

— Отставить! Потом покуришь, пошли! — крикнул капитан третьего ранга.

Матрос в тулупе приоткрыл ворота, и мы зашагали к пирсу. Мы прошли метров сто и остановились у первой сходни, вдоль поручней которой тянулась надпись «Гневный». С этого места с обеих сторон над нами высились корабли.

Нас снова построили, и вдруг капитан третьего ранга и оба старшины куда-то ушли, а мы остались стоять. Почти

сразу наш строй потерял форму, мы стали оглядываться по сторонам. Задрав головы, мы рассматривали корабли.

Не помню, чтобы я восхищался или пугался вида кораблей. Во мне не звучало: «Ух ты, ну надо же!», или «И вот тут мне предстоит нести службу», или «Так вот они какие!», или «Какой ужас!». Ничего не звучало во мне. Я просто смотрел и ни о чём не думал.

А тем временем корабли вдруг ожили совсем. Из всех иллюминаторов повысовывались головы, на палубах появились фигуры.

— Эй, моряки! Откуда такие?!

— Алё-о-о! Из Краснодара кто-нибудь есть?

— На какой пароход, военные?

Нас засыпали вопросами, а мы даже не понимали, кто именно к нам обращается. Стояли и молчали.

— Ну чё?! Язык проглотили? Откуда такие молчаливые?

— Алё, караси?! Чё такие задроченные? Вас что, не воспитывали, как надо со старшими разговаривать?

Нас почти не учили нашим военным специальностям, но за полгода мы хорошо уяснили, что лучше помалкивать. И если есть возможность молчать, то надо молчать до последнего!

А вдоль бортов кораблей уже собралась целая толпа. Кто-то был в шапках и шинелях, а кто-то вышел на холодный ветер в одной полосатой майке и трусах. Все радовались, смеялись, что-то кричали нам, кто-то даже громко и заливисто свистнул.

— К нам давайте, караси! У нас тут лучше всех!

— Давай к нам! Мореманы, давай к нам, в наш героический экипаж! — Слышали мы с разных сторон.

И вдруг резкий крик «Шуба!» перекрыл весь этот гвалт. Тут же всё стихло, и люди всосались в корабли, как вода в губку, как будто их и не было. Мы в свою очередь быстро

изобразили строй. К нам по пирсу шагали несколько офицеров. Один из них, который быстро шёл впереди, был явно тем, чьё появление смело долой все крики и заставило попрятаться тех, кто кричал. Он шёл, широко шагая и так же широко размахивая одной рукой. За ним бежали тот самый дежурный старший лейтенант и высокий молодой офицер, который оказался при ближайшем рассмотрении лейтенантом медицинской службы.

— Ну, сынки, как добрались? — сказал нам тот, кого все так испугались. Он даже сделал паузу, как будто ждал ответа. — Устали? Ну ничего. Вы прибыли в нашу бригаду, здесь вам уже беспокоиться не о чем. Жалобы какие-нибудь есть?

Мы молчали.

— Может быть, кто-то нездоров, а? — продолжил он. — Дмитрий э-э-э...

— Михайлович, — быстро ответил длинный лейтенант-медик.

— Да-да! — тут же сказал главный. — По-моему, все здоровы! Потом, если надо, их осмотрите.

— Обязательно, — быстро ответил медик. — Товарищ капитан второго ранга, я хотел...

— По-моему, все настоящие герои, — снова перебил его этот капитан второго ранга.

Он говорил очень чётким голосом. Такой голос слышно даже в толпе, и было ясно, что обладатель этого голоса шёпотом говорить вообще не умеет. Он может говорить либо громко, либо очень громко. Крик такого человека лучше не слышать. Тут к нему подбежал наш капитан третьего ранга, он как мог принял вытянутый вид, отдал честь, доложил о прибытии пополнения и о двух оставшихся в Комсомольске... Потом офицеры тихо совещались о чём-то. Потом...

— Всех дежурных ко мне! — приказал кап. два.

Вскоре со всех кораблей прибежали дежурные офицеры и отрапортовали о себе почти нечленораздельными гавкающими выдохами.

— Вот! — громко сказал пришедший капитан второго ранга и указал на нас правой рукой с вытянутым указательным пальцем. — Ну-ка посветите-ка на них! Алё! Ну-ка посветите на них, а то не вижу, с кем служить будем!

Прозвучал целый град команд, и вдруг зажёгся прожектор на корабле, который возвышался перед нами. Прожектор направили на нас и ослепили нас совершенно.

— Ну-у! Теперь видно! Значит, так! — это он сказал, чтобы перейти на другой звуковой режим, и голос его зазвучал так, что не было сомнений, что он проникает в самые глубокие и потайные недра кораблей и нет человека, даже у громко работающих машин, где-то в машинном отделении самого далеко стоящего корабля, который не услышал бы этот голос. Он обращался ко всем тем, кто попрытался, и даже к тем, кто спит.

— Значит, так! — сказал он. — В нашу славную бригаду пришли наши новые братья! Они должны получить здесь заботу, внимание и... совет старших по сроку службы и званию товарищей. Чтобы я не услышал о том, что кого-то из них обидели или оскорбили. Окажите им достойный приём, и чтобы я от них не услышал потом, что кто-то к ним тут отнёсся не должным образом! Понятно?! — крикнул он, не предполагая, что кто-нибудь решится вякнуть что-нибудь в ответ. — Вы, наверное, голодные с дороги? — спросил он, переключившись на более тихий вариант звучания. — Да, конечно, голодные! Сейчас вас разведут по вашим кораблям и накормят. Вливайтесь в настоящий флотский коллектив. Значит, так. — Он снова переключил громкость. — Значит, так! Вновь прибывших наших молодых товарищей разместить и накормить, как положено на флоте! И имейте совесть, бля,

мать вашу! Это же братья наши меньшие! Не обижать! Всё! Выполнять! Вольно! — Он отдал честь всем вместе и никому конкретно, развернулся и пошёл прочь.

Наш капитан третьего ранга тут же развернул список и стал выкрикивать:

— Агишев 10-599, Бараксин 90-125, Букин 90-125, Габаев — какая-то ещё цифра... И так далее. После моей фамилии прозвучало 10-599.

— Десять, пятьсот девяносто девять, ко мне, бегом марш! — крикнул большой во всех смыслах усач, который был не в шинели, а в чёрной куртке с капюшоном, которую, как выяснилось, называли на кораблях «альпак». Когда этот офицер стоял к нам спиной, я увидел у него на куртке белый трафарет: якорь и надпись «Гневный».

Мы подбежали к нему, нас было шестеро, остальных отозвали в другие стороны.

— Вам, бля, повезло! — сказал он. — Вы вливаетесь в славный экипаж БПК «Гневный», надеюсь, бля, что никто об этом не пожалеет.

— Ну, счастливо вам на «Гнойном», салаги! — крикнул кто-то с корабля, который стоял по другую сторону пирса.

— Это какая падла там вякает?! — крикнул наш офицер. — Я тебе твой поганый язык в гудок забью! Пошли, — сказал он нам и зашагал к ближайшей сходне с надписью «Гневный».

На палубы всех кораблей уже снова высыпала толпа. Звучали смех, крики и свист. А я был в каком-то бессознательном состоянии, я только слушал, смотрел и фиксировал.

Когда я шёл по трапу на корабль, в первый раз в жизни на большой боевой корабль, я уже был близок к обмороку. Казалось, я уже не могу больше получать дополнительные впечатления и информацию, уже всё...

Я шёл предпоследним. Мы шли вереницей по узкому деревянному трапу... И вот трап закончился, и я шагнул на

железную палубу. Мой ботинок, на который намёрз и налип снег, скользнул по палубе. Я чуть не упал.

— Привыкай! — крикнул кто-то. — Не корова на льду.

Нас повели по кораблю с кормы на нос. Мы шли по левому шкафуту (это я потом узнал, что это так называется). На меня обрушились запахи. Мы шли вдоль левого борта, и нас обдавало паром, жаром и запахом солярки. Из каждой двери и иллюминатора вырывались эти запахи и жёлтый свет. Мы шли, и из каждой щели звучало:

— Откуда, братцы? Из Саратова есть?

— Алё, из Казани кто-нибудь есть?

— Смоленских нету?

Мы прошли очень много метров, но корабль не заканчивался. Вдруг нас завели в одну из дверей, нас ослепил яркий свет, и мы стали спускаться по лестнице (все лестницы на корабле называются трапами) куда-то вниз.

Внизу горел тусклый свет, было душно, жарко и пахло большим количеством не очень тщательно отмытых молодых мужчин. Мы увидели койки, висящие с одной стороны на цепочках, а с другой стороны — прикреплённые к стене (переборке, так называются на корабле стены). Койки были в два яруса. На всех сидели и лежали моряки. Многие были с усами. Плечи многих украшали татуировки.

— Оп-па! Кого мы видим! — услышали мы. Интонация была такая, к которой мы уже привыкли.

К нам подошёл старшина, одетый по форме и с повязкой на руке.

— Садитесь, раздевайтесь, и будем говорить, — сказал он тоном, в котором чувствовалась даже не сталь, а стужа Антарктиды. Мы сели. — Ну-у-у. Откуда прибыли?

Молчать тут было уже нельзя, и мы сказали, точнее, кто-то из нас сказал.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУГИЕ

Три рассказа из жизни юного военного моряка

Другие	5
Встреча с мудростью	26
Последний праздник	48

КНИГА РАССКАЗОВ «ПЛАНКА»

Шрам	66
Лечебная сила сна	88
Погребение ангела	112
Спокойствие	139
Планка	151

КНИГА РАССКАЗОВ «СЛЕДЫ НА МНЕ»

Декан Данков	183
Михалыч	202
Над нами, под нами и за стенами	225
Дарвин	254
Наколка	276
Зависть	283
80 километров от города	321
И было сказано	346

«БОЛЬ». ДВА РАССКАЗА

Ангина	356
Палец	380

Литературно-художественное издание

Евгений Гришковец

РАССКАЗЫ

Редактор Алла Мотина

Технический редактор Лидия Синицына

Корректор Татьяна Филиппова

Компьютерная верстка Татьяна Коровенкова

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –

обладатель товарного знака «КоЛибри»

115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге

191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции

(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 17.05.2019. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Original Garamond BT».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,0.

Тираж 3000 экз. В-BEG-24832-01-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,

Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А

www.pareto-print.ru